УДК 340.12:341.64(09):316.75

САЛЬНИКОВ Е.В.

Неофашизм и философско-правовые проблемы Нюрнбергского трибунала

В статье анализируются основные проблемы Нюрнбергского трибунала. Автор демонстрирует, что эти проблемы носили философско-правовой характер. В статье делается вывод о том, что противодействие неофашизму возможно только в случае решения философско-правовых проблем, поставленных Нюрнбергским трибуналом.

Ключевые слова: экстремизм, неофашизм, философия права, Нюрнбергский трибунал, фашизм, толерантность, преступления против человечества.

В начале XXI века экстремизм и его крайнее проявление – терроризм выступают в качестве центральной проблемы права. Экстремизм ставит под сомнение успех глобализации, а с ней и глобальные механизмы правового регулирования, что демонстрирует неэффективность международных правовых институтов, универсальных принципов права, всей правовой модели современной цивилизации.

Исходя из характера этой проблемы, нельзя не признать определяющего значения, которое имеет для права Международный военный трибунал над нацистскими преступниками – Нюрнбергский процесс. Если в первые десятилетия после победы над фашизмом аксиологическая составляющая не позволяла со всей принципиальностью поставить вопрос о процессе над нацистскими преступниками, то экстремистский дискурс наших дней делает невозможным дальнейшее уклонение от проблем Нюрнберга. Именно в Нюрнберге впервые была опробована аргументация единого правового пространства всего человечества, процесса от его имени, а потому Нюрнбергский процесс и следует считать одним из первых правовых актов современного глобального мира.

При этом следует принципиально разграничивать войну с фашизмом и процесс над фашистскими преступниками. Победа антигитлеровской коалиции во второй мировой войне, героизм, самоотверженность и боевой дух советского народа являются высшими и непреходящими ценностями. Никакая из возможных альтернативных версий истории не способна исказить факт победы советского народа над агрессором.

В отличие от этого Нюрнбергский процесс является правовым действием, к которому должны предъявляться совершенно иные требования. В этом отношении член Международного военного трибунала от Великобритании лорд-судья Англии Д. Лоренс с полным правом отметил, открывая 20 ноября 1945 года первое заседание трибунала: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции»[1].

Эта его исключительность вызывала огромное количество дискуссий. Напомним, что решение о судебном процессе над руководителями Третьего Рейха было принято достаточно сложно. Ряд западных юристов категорически возражали против такого рода процессов, Нюрнбер-

гский трибунал подвергался и позднейшей критике. 4 октября 1944 года У. Черчилль открыто заявляет в палате общин: «Нет уверенности, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг, Гиммлер, следует применять процедуру суда»[2]. Лорд Хэнки в 1950 году будет писать об опасности такого рода трибуналов. По его словам, «они представляют собой исключительно опасные прецеденты для будущего»[3].

В советское время эти опасения западных правоведов и политиков истолковывались как очередное проявление хищнической природы капитализма. В наши дни стало очевидным, что под этими опасениями была реальная почва. В современной России, как и во всем мире, стало очевидным, что от того, является ли Нюрнберг, по утверждению Геринга, «судом» победителей над побежденным или же подлинным судебным процессом, зависит правовая логика квалификации неофашизма и всего экстремизма вообще либо как длящегося по настоящее время торжества победителей, либо как деяния, противоречащего сущности права. Совершенно очевидно, что первый ответ означает упразднение правовой природы экстремизма. В этом случае логика победителя и побежденного уравниваются и принципиальных препятствий на пути пересмотра истории человечества не наблюдается. Подобный ответ ставит под сомнение криминализацию экстремистских деяний и всю правовую борьбу с ними, ибо он лишает преступление материальности, всецело полагая его даже не воле законодателя, а воле победившего законодателя. Ни онтологических, ни аксиологических оснований в этой борьбе с фашизмом не оказывается, и ее успех всецело зависит в этом случае от карательной мощи государства.

В соответствии с обвинительным заключением Международного военного трибунала № 1 (Нюрнбергского трибунала)[4] обвиняемым были предъявлены обвинения в преступлении против мира, в военных преступлениях, в преступлениях против человечности. К преступлениям против мира были отнесены планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны с нарушением международных договоров. Под военными преступлениями понималось нарушение законов и обычаев войны. Что касается преступлений против человечности, то речь шла прежде всего об организации концентрационных лагерей, уничтожении в них людей, содержании их в бесчеловечных условиях, а также о преследовании и физическом уничтожении людей по расовому, этническому или религиозному признаку.

Первая же проблема, с которой сталкивается Нюрнбергский трибунал, – это обратная сила закона. Принцип nullum crimen, nullum poena sine lege (нет ни преступления, ни наказания без точного указания закона) попытались обойти, создав Устав международного трибунала (Лондонское соглашение 1945 г.). Нацистских преступников предполагали судить за ранее неизвестные законодателю преступления, в каковом случае правосудие должно вершиться в соответствии с новым законом. Однако из трех обвинений ни преступления против мира (агрессия), ни военные преступления не были в действительности новыми. Как верно замечает в этой связи Х. Арендт: «Захватническая война стара, как сама история, и хотя подобные войны много раз называли «преступными», формально они таковыми никогда и не считались»[5].

Еще хуже дело обстояло с военными преступлениями, т.к. технический прогресс в создании инструментов насилия сделал «преступную» войну неизбежной, ее логика не могла быть описана в дефинициях Гаагской конвенции. Но самое неприятное заключалось в том, что сама Гаагская конвенция не могла быть применена в силу возникновения обвинений по принципу tu-quoque (и ты тоже?). Бессмысленные разрушения городов и деревень, убийство и истязание гражданского населения со стороны фашистов никто не отрицал, но чем в этом случае является ядерная бомбардировка США Хиросимы и Нагасаки, а равным образом и бомбардировка Дрездена британской авиацией? В этой связи в 1964 году У. Майнхоф имела полное основание написать, что «газовые камеры Освенцима нашли в атомной

бомбе абсолютное воплощение своего технического идеала и что игра с атомной бомбой... – это игра с преступлением гитлеровских масштабов»[6].

СССР Гаагскую конвенцию не подписал, но это не упраздняло факта его агрессии в отношении Финляндии. Бесчеловечные условия содержания в концлагерях Германии были доказаны, но сами концентрационные лагеря не являются немецким изобретением, а впервые применены как раз британским руководством в ходе англо-бурской войны. Можно провести совершенно очевидную параллель между концентрационными лагерями и индейскими рекреациями в США. И уж тем более очевидна параллель между KZ и сталинским ГУЛАГом. При этом отметим, что чем больше современные отечественные демократы вскрывают зверства сталинских лагерей, чем о большем количестве жертв они говорят, тем менее обоснованным выглядит Нюрнбергский трибунал. Вор не может судить вора за кражу. Судит не истец, а закон – общее правило для всех. В конечном итоге надлежит признать, что если мы имеем действительно международный трибунал, то и члены антигитлеровской коалиции также должны были оказаться на скамье подсудимых или же по первым двум пунктам это был обычный суд победителей.

В этой ситуации единственное преступление, не вызывавшее возражений, было преступление против человечности. Это преступление уже не зависело от какой бы то ни было логики войны, не учитывалось ни международным, ни муниципальными законами, к нему не был применим принцип tu-quoque. В то же время, как отмечают специалисты, «категория преступлений против человечности, которую Устав впустил через маленькую дверцу, испарилась в судебном заключении трибунала»[7]. И действительно, тщательное изучение материалов Нюрнбергского процесса,[8] представленных в доказательство преступлений против человечности, показывает, что объективную сторону этих преступлений составляли факты применения насилия по расовому, этническому и религиозному признаку, выражавшиеся в проведении экспериментов над людьми, содержании людей в условиях, опасных для жизни, использовании рабского труда, пытках и физическом уничтожении. Вместе с тем вопрос о собственно человеческой природе, той самой человечности так и не был задан. Между тем этот вопрос является центральным в рамках обвинения. Противоречили ли эти деяния человеческой природе как таковой, что собой представляет человеческая природа и каковы должны быть вытекающие из нее принципы совместного политического общежития людей?

Так, уничтожение и дискриминация евреев неоспорима, но в Германии особое отношение к евреям и лицам неарийской расы было узаконено. Это были не преступные деяния, а целостная политика. Если мы не апеллируем к природе человека, то получается, что мы вынуждены привлекать человека к уголовной ответственности за то, что он был законопослушным гражданином. Если мы отказываемся от человечности и ее политического измерения, то мы имеем право взывать к морали людей, но не имеем оснований для предъявления им обвинений и не можем судить их, кроме как судом победителя, мстящего, а не утверждающего право. Положение о человеческой природе должно было дать нам ответ на вопрос, должно ли человеческое общество строиться на принципах естественных прав и свобод человека или же на принципах расовой теории и социал-дарвинизма. Тем самым требовался философско-правовой подход, философское разрешение проблемы, но от него предпочли отказаться.

В своем докладе Президенту США главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексон писал: «Мы задокументировали нацистскую агрессию, преследования и жестокости немецкими источниками с такой подлинностью и такими подробностями, что невозможно в будущем ответственно отрицать эти преступления, и нет опасности, что среди неосведомленных людей может родиться легенда о мученичестве нацистов»[9]. В начале XXI века ни у кого не осталось ни малейших сомнений в безосновательной наивности этого убеждения.

Современный неофашизм не только оправдывает, но и прославляет фашизм. Возрождаются идеи национального превосходства, трактовки нации как высшей внеисторической и надклассовой формы общности, пропагандируются идеи расизма, утверждающие физическую и психическую неравноценность человеческих рас и решающее влияние расовых различий на историю и культуру общества. Поражение III Рейха во второй мировой войне преподносится как торжество еврейской агрессии, как удар по Белому Сопротивлению и торжество низших рас. Практики уничтожения людей и иные деяния нацизма подвергаются переосмыслению. Сама вторая мировая война объявляется событием, в котором темные силы низших рас столкнули между собой белую расу и лишь выиграли от этого противостояния.

Ни А. Гитлер, ни Б. Муссолини, ни иные деятели нацизма так и не стали безусловными и безотносительными преступниками в глазах всего человечества. Неофашистская культура прославляет Гитлера, видит в нем и других лидерах фашизма своих героев. Отдельные граждане, публичные деятели и общественные организации не только не испытывают стыда за историческое пособничество фашизму, но порой даже прославляют его. Нацизм приравнивается к сталинизму, американским практикам войны во Вьетнаме, политике в отношении арабских стран и т.п.

Представляется, что все эти проблемы не случайны, как не случаен неофашизм и экстремизм вообще. Он порожден не только и даже не столько социально-экономическими факторами, сколько мировоззренческими проблемами современного человека. Современный экстремизм представляет собой яркое следствие отказа от решения проблем, поставленных Нюрнбергским трибуналом. Философско-правового обоснования преступности фашизма перед человечеством вообще так и не было дано в полном объеме.

Совершенно очевидно, что краеугольным камнем обуздания экстремизма будет являться философское решение проблемы о принципах организации общественного устройства, сообразных человеческой природе. Экстремизм предполагает смену конституционных основ организации либерально-демократического типа общественного устройства, парламентаризма, прав и свобод человека и гражданина, принципа толерантности. Поэтому его преступность может быть доказана только по отношению к человечности вообще, и это доказательство может быть осуществлено только в лоне философии. Юридическая аргументация от несоответствия экстремистской идеологии и конституционализма не может быть основанием для построения системы противодействия экстремизму, ибо всегда оставляет экстремистам возможность прочтения карательной политики власти в отношении их как торжества неправедной власти, и только философско-правовое решение проблемы фашизма, обоснование его преступности вообще способны поставить твердые пределы перед экстремизмом.

---

[1] Цит. по: Рагинский М.Ю.: Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 47.

[2] Цит. по: Рагинский М.Ю.: Нюрнберг: перед судом истории. М.: Политиздат, 1986. С. 13.

[3] Там же. С. 25.

[4] Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1983. С. 272.

[5] Арендт Х. Банальность зла. М., 2008. С. 380.

[6] Майнхоф У. От протеста к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. С. 75–76.

[7] Цитируется мнение французского юриста Донадью де Вабре, представленное им в курсе лекций Le process de Nuremberg, приводимое в вышеупомянутой работе Х. Арендт.

[8] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов 8-ми томах. Т. 5. М.: Юрид. литература, 1991. 672 с.; по этому вопросу см. также: Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М.: Юрид. литература, 1983. 416 с.

[9] Цит. по: Рагинский М.Ю.: Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 22.